

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Марина Цветаева

СТИХОТВОРЕНИЯ

Марина Ивановна Цветаева
Стихотворения
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8354958

*Стихотворения [Сост., вступ. ст. и коммент.п. Е. Фокина]: Дет.
лит.; Москва; 2004
ISBN 5-08-004090-4*

Аннотация

В сборник произведений выдающегося русского поэта Марины Ивановны Цветаевой вошли как ее ранние стихотворения (из книг «Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь»), так и зрелая лирика (циклы «Стихи о Москве», «Стихи к Блоку», «Ученик», «Молодость», «Стол», «Куст» и др.).

Небольшой раздел занимают переводы классиков зарубежной поэзии.

Для старшего школьного возраста.

Содержание

Марина Цветаева: «я м<ожет> б<ыть> столь же чудовище как чудо»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марина Ивановна Цветаева

Стихотворения

0 700 0

Марина Цветаева: «я м<ожет> б<ыть> столь же чудовище как чудо»

1

Имя «Марина Цветаева» обманчиво. Уж очень оно поэтическое в том расхожем смысле слова, который подразумевает нечто сладкозвучное, напевное, красочное, исполненное грез и мечтаний, любовных томлений, вздохов при луне под пение птиц и в благоухании роз. Оно почти как псевдоним, придуманный специально, чтобы подписываться под строками:

Шепот сердца, уст дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья...

Или:

Опять весна! Опять какой-то гений
Мне шепчет незнакомые слова,

И сердце жаждет новых песнопений,
И в забвении кружится голова...

И даже:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...¹

И, раскрывая том ее стихов, никак не ждешь прочесть:

Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет – мелкой,
Миска – плоской,
Через край – и *мимо* —
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих².

Как удар электрического тока. Как звон пощечины. Как
вызов Пушкина Дантесу.
Обманчивое имя.

¹ Строки из стихотворений А. Фета, А. Апухтина, А. Пушкина.

² Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. М.: Эллис Лак, 1994–1995. С. 315.
Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

«Марина Цветаева» – милая барышня, с розовым румянцем на щеках, с голубыми глазами, с пышным бантом и в платье с оборками?... Приветливо-стыдливый наклон головы, плавные движения рук, букет фиалок, неспешная походка; голос ровный, грудной, тихий; нежные пальцы изящно сжимают перо, кокетливым дамским почерком записывая строки, пришедшие на ум в ночной тиши; что-то шепчут нежные губы?...

Вовсе нет!

Современник пишет: «Марина Цветаева – статная, широкоплечая женщина с широко расставленными серо-зелеными глазами. Ее русые волосы коротко острижены, высокий лоб спрятан под челку. Темно-синее платье не модного, да и не старомодного, а самого что ни на есть простейшего покроя, напоминающего подрясник, туго стянуто в талии широким желтым ремнем. Через плечо перекинута желтая кожаная сумка вроде офицерской полевой или охотничьего патронташа – и в этой не женской сумке умещаются и сотни папирос, и клеенчатая тетрадь со стихами. Куда бы ни шла эта женщина, она кажется странницей, путешественницей. Широкими мужскими шагами пересекает она Арбат и близлежащие переулки, выгребая правым плечом против ветра, дождя, вьюги, – не то монастырская послушница, не то только что мобилизованная сестра милосердия. Все ее существо горит поэтическим огнем, и он дает знать о себе в первый

же час знакомства»³

Рассказывает дочь: «Моя мать, Марина Ивановна Цветаева, была невелика ростом – 163 см, с фигурой египетского мальчика – широкоплеча, узкобедра, тонка в талии...

Черты лица и контуры его были точны и четки: никакой расплывчатости, ничего недодуманного мастером, не пройденного резцом, не отшлифованного: нос, тонкий у переносицы, переходил в небольшую горбинку и заканчивался не заостренно, а укороченно, гладкой площадочкой, от которой крыльями расходились подвижные ноздри, казавшийся мягким рот был строго ограничен невидимой линией.

Две вертикальные бороздки разделяли русые брови...

Руки были крепкие, деятельные, трудовые...

Голос был девически высок, звонок, гибок.

Речь – сжата, реплики – формулы...

Поздно ложилась, перед сном читала. Вставала рано.

Была спартански скромна в привычках, умеренна в еде.

Курила: в России – папиросы, которые сама набивала, за границей – крепкие мужские сигареты, по полсигареты в простом, вишневом мундштуке.

Пила черный кофе: светлые его зерна жарила до коричневости, терпеливо молола в старинной турецкой мельнице, медной, в виде круглого столбика, покрытого восточной вязью.

³ Антокольский П. Из цикла очерков «Современники» // Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992. С. 86.

С природой была связана воистину кровными узами, любила ее – горы, скалы, лес – языческой обожествляющей и вместе с тем преодолевающей ее любовью, без примеси созерцательности; поэтому с морем, которого не одолеть ни пешком, ни вплавь, не знала, что делать. Просто любоваться им не умела...

Была равнодушна к срезанным цветам, к букетам, ко всему, распускающемуся в вазах или в горшках на подоконниках; цветам же, растущим в садах, предпочитала – за их мускулистость и долговечность – плющ, вереск, дикий виноград, кустарники...

Общительная, гостеприимная, охотно завязывала знакомства, менее охотно развязывала их. Обществу «правильных людей» предпочитала окружение тех, кого принято считать чудаками. Да и сама слыла чудачкой.

В дружбе и во вражде была всегда пристрастна и не всегда последовательна. Заповедь «не сотвори себе кумира» нарушала постоянно.

Считалась с юностью, чтילה старость...

К людям труда относилась – неизменно – с глубоким уважением собрата; праздность, паразитизм, потребительство были органически противны ей, равно как расхлябанность, лень и пустозвонство.

Была человеком слова, человеком действия, человеком долга.

При всей своей скромности знала себе цену»⁴.

И все же...

Свои первые сборники Марина Цветаева назвала вполне «поэтически» – «Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь».

В них были такие, посвященные воображаемому маленькому пажу стихи:

Этот крошка с душой безутешной
Был рожден, чтобы рыцарем пасть
За улыбку возлюбленной дамы.
Но она находила потешной,
Как наивные драмы,
Эту детскую страсть...

(I, 50)

И другие, памяти Нины Джавахи, героини популярного у девушек романа Лидии Чарской:

Всему внимая чутким ухом,
– Так недоступна! Так нежна! —
Она была лицом и духом
Во всем джигитка и княжна...

(I, 55)

⁴ Эфрон А. Страницы воспоминаний // Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992. С. 143–146.

И еще множество подобных, с характерными названиями: «Эльфочка в зале», «Сара в Версальском саду», «Наши царства», «Чародею», «Добрый колдун», «Потомок шведских королей», «Невеста мудрецов», «Из сказки в жизнь», «Мальчик с розой», «Принц и лебеди», «Жар-птица», «Призрак царевны», «Зимняя сказка», «Рождественская дама», «Белоснежка» и т. п.

А вот какой увидела Цветаеву современница: «Спешу к зеркалу поправить прическу. Увы! Зеркало занято! Я вижу в нем лицо незнакомой девушки в капоре. Она развязывает у подбородка ленты, рот ее крепко сжат, нежно-розовое лицо строго. Ленты развязаны, капор снят, и я вижу пышную шапку золотых ее тонких волос... Какое на ней платье! Я испытываю настоящий восторг!.. Необыкновенное! Восхитительное платье принцессы! Шелковое, коричнево-золотое. Широкая, пышная юбка до полу, а наверху густые сборки крепко обняли ее тонкую талию, старинный корсаж, у чуть острой шеи – камей. Это волшебная девушка из XVIII века...

Я не спускаю глаз с Марины Цветаевой. Под золотой шапкой волос я вижу овал ее лица, вверху широкий, книзу сужающийся, вижу тонкий нос с чуть заметной горбинкой и зеленоватые глаза ее, глаза волшебницы»⁵.

Марина Цветаева – обманчивое имя?

Она и сама об этом задумывалась.

⁵ Кузнецова (Гринева) М. Воспоминания // Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992. С. 57–58.

Кто создан из камня, кто создан из глины, —
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – брeнная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти —
Тем гроб и надгробные плиты...
– В купели морской крещена – и в полете
Своем – непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня – видишь кудри беспутные эти? —
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной – воскресаю!
Да здравствует пена – веселая пена —
Высокая пена морская!

(I, 534)

Это стихотворение датировано 23 мая 1920 года. Цветаевой – двадцать семь с половиной лет. Она еще не знает, но интуиция поэта подсказывает – она на экваторе своего земного пути.

На экваторе судьбы.

Идя от буквального значения имени Марина – в перево-

де с латинского «морская», – Цветаева создает собственную космогонию, личную историю сотворения мира и его устройства, в центре которой – она, «бренная пена», «веселая пена», «высокая пена морская». Отчетливо, как никогда, видит она свою избранность, уникальность, неповторимость. «У меня ведь тоже есть святая, хотя я *ощущаю себя первенцем своего имени*», – напишет она чуть позже (письмо Р. М. Рильке, 2 августа 1926 г., т. VII, с. 68. Курсив мой. – П. Ф.).

Нет ничего более эфемерного и недолговечного, более мимолетного и неуловимого, чем морская пена. Из воздуха и воды – не воздух и не вода. Из волны и камня – не волна и не камень. На границе стихий, в столкновении стихий – дитя стихий. Белоснежная, светоносная, нежная. Трепетная, игривая, бурлящая.

Ее дело – «измена»: постоянное изменение, преображение, обновление.

Она – вся в движении: «в полете», «непрестанно разбита» на мелкие брызги, «серебрится и сверкает».

Она – «своевольна»: независима, самостоятельна, упряма.

Ее кудри – «беспутные»: свободные, не связанные путами – лентами, бантами, заколками.

Она в «купели морской крещена» и «с каждой волной» – воскресает.

Ее участь – быть самой Жизнью. Быть бессмертной. Вне смерти.

Цветаева пишет лирический автопортрет – портрет души.

Души самой по себе, вне личности, вне времени, вне судьбы.
Портрет Психеи.

«Казавшееся завершённым до замкнутости, до статичности, лицо было полно постоянного внутреннего движения, – вспоминает Цветаева дочь, – потаенной выразительности, изменчиво и насыщено оттенками, как небо и вода.

Но мало кто умел читать в нем»⁶

Особенно те, «кто создан из камня», «из глины», «из плоти». Чей мир прочен и основателен, неподвижен и мертв. О них – с иронией, со снисхождением. С отчуждением. Им – «гроб и надгробные плиты». И поделом! По делам их. Они забрасывают «сети», чтобы уловить и опутать волну. Они мечтают обратить «пену морскую» в «земную соль», абсолютное движение – в абсолютную скованность, превратить непригодную в хозяйстве красоту в полезное ископаемое. Об их «гранитные колена» «дробится», «разбита» Марина-Психея.

«Из глины» Бог создал первочеловека Адама.

Марина – не из этого племени.

«Из камня» под резцом Пигмалиона возникла Галатея, ожившая под любящим взглядом ваятеля.

Это не ее случай. «Из плоти» сотворены обычные люди. Вот именно – обычные!

Венера, богиня любви, вышла из пены морской.

Только ей одной и равна. Только ей одной и родственна.

⁶ Эфрон А. Указ. соч. С. 143.

Единственной – единственная.

Двумя годами ранее Цветаева писала:

Каждый стих – дитя любви,
Нищий незаконнорожденный.
Первенец – у колеи
На поклон ветрам положенный.

(I, 419)

И потому она поет гимн «измене», «беспутству», «своеволию» – этим вечным спутникам страсти, любовного безумия, одержимости и неудержимости. Вечным спутникам Жизни. Они – источник и условие творческого бессмертия.

Если кого и могло обмануть имя Цветаевой, то только не ее. О себе она все знала наверняка.

2

Биография Цветаевой разрублена тяжелым топором русской революции на две половины. Они зеркально отражаются друг в друге. До революции жизнь шла естественным чередом, со своими радостями и заботами, удачами и потерями – «в руце Божией». После – все перевернулось вверх дном, начался сплошной «дьяволов водевиль».

Марина Цветаева родилась 26 сентября (по ст. ст.) 1892 года, ровно в полночь с субботы на воскресенье, в день Иоан-

на Богослова, в Москве.

Семь холмов – как семь колоколов!
На семи холмах – колокольни.
Всех счетом – сорок сороков.
Колокольное семихолмие!

В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.

(I, 272)

Святой евангелист, автор пророческого «Откровения» о конце света, один из величайших поэтов в истории человечества стал ее небесным покровителем.

Москва, Третий Рим, сердце святой Руси, – ее колыбелью.

Благовест, колокольный перезвон, слился с криком новорожденного поэта, сделал его полновзвучным, сильным, богатым интонациями, наполнил многоголосием миров дольного и горнего, наделил душой и смыслом.

Юные годы прошли в уютном родительском доме в Трехпрудном переулке («Дом – пряник, а вокруг плетень»), в семье профессора изящных искусств, под звуки фортепиано, на котором мать вдохновенно играла пьесы Бетховена, Гайдна, Шопена, в ревливой дружбе с братом и сестрами⁷, в чтении захлеб волшебных сказок и романтических романов.

⁷ У Цветаевой были единокровные, от первого брака И. В. Цветаева, брат Андрей и сестра Валерия и родная, младшая сестра Анастасия.

Отец, Иван Владимирович Цветаев, погруженный в академические заботы и труды по устройению небывалого ранее в России музея изобразительных искусств⁸, был сух и, казалось, не очень внимателен к детям, кажется, даже немного побаивался их. Тем не менее именно ему обязаны они своим спокойным и беззаботным миром: размеренным московским бытом, учебой в гимназии, ежегодными летними выездами на дачу в Тарусу, окрестности которой – лес, луга, неспешное течение Оки – войдут навсегда в их память.

Атмосферу дома создавала мать, Мария Александровна, в девичестве Мейн, молодая, в два раза моложе мужа, красивая, нервная и эмоциональная женщина, родом из немецко-польской семьи. Она деятельно заботилась о духовном и интеллектуальном воспитании детей, учила музыку, языкам, читала им в оригинале немецкие и французские книги, рассказывала легенды и мифы, знакомила с героическими страницами истории – их будущность виделась ей среди муз и граций. Строгая и сдержанная на вид, Мария Александровна страстно любила дочерей и отдавала им всю себя, как бы предчувствуя свой недолгий век.

«О, как мать торопилась с нотами, с буквами, с «Унди-нами»⁹, с «Джейн Эйрами»¹⁰, с «Антонами Горемыками»¹¹,

⁸ Императорский музей Александра III открыт 31 мая (ст. ст.) 1912 г. Ныне – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

⁹ «Ундина» (1811) – роман из рыцарских времен немецкого писателя-романтика Фридриха де ла Мотт Фуке. В 1837 г. вышел стихотворный перевод романа на русский язык, выполненный В. А. Жуковским.

с презрением к физической боли, со Св. Еленой¹², с одним против всех, с одним – без всех, точно знала, что не успеет, все равно не успеет всего, все равно ничего не успеет, так вот – хотя бы это, и хотя бы еще это, и еще это, и еще это... Чтобы было чем помянуть! Чтобы сразу накормить – на всю жизнь! Как с первой до последней минуты давала – и даже давила! – не давая улечься, умяться (нам – успокоиться), заливала и забивала с верхом – как в уже не вмещающий сундук (кстати, оказавшийся бездонным), нечаянно или нарочно?... Мать точно заживо похоронила себя внутри нас – на вечную жизнь. Как уплотняла нас невидимостями и невесомостями, этим навсегда вытесняя из нас всю весомость и видимость. И какое счастье, что все это было не наука, а Лирика... Мать поила нас из вскрытой жилы Лирики... После такой матери мне оставалось только одно: стать поэтом» (IV, 13–14).

В 1906 году Мария Александровна в возрасте тридцати восьми лет скончалась от чахотки. Но перед этим три года они с мужем боролись за ее здоровье – сначала на курортах и в клиниках Италии, потом Швейцарии и Германии. Все

¹⁰ «Джейн Эйр» (1847) – любовный роман английской писательницы Ш. Бронте.

¹¹ «Антон Горемыка» (1847) – сентиментальная повесть из народного быта русского писателя Д. Григоровича, имевшая большую популярность в демократической среде российской интеллигенции во второй половине XIX в.

¹² *Святая Елена* – остров в Средиземном море, на который был сослан Наполеон и где он скончался.

эти годы дети сопровождали мать. Перед смертью она подарила им то, что сама так любила всю жизнь, – мир западно-европейской цивилизации. В том детском путешествии Цветаевой открылась праздничная природа Средиземноморья, блистательная величественность Альп и волшебные туманы Шварцвальда. Она вслушивалась в шумное полногласие итальянской речи, осваивала изысканную отточенность французского языка, постигала строгость немецкой мысли. Особенно близка оказалась ей немецкая культура. Позже Цветаева неоднократно подчеркивала свою равную любовь к России и Германии. Две великие войны между этими державами, свидетельницей которых ей суждено было быть, жестоко ранили ее сердце.

Со смертью матери закончилось детство. Отец пытался наладить жизнь в доме, приглашая воспитательниц и гувернанток, но семейный строй был навеки разрушен. Дети начали жить своей жизнью. Пробыв долгие годы под присмотром матери, почти не видясь со сверстниками, теперь они жадно восполняли дефицит общения, заводили знакомства и дружбы, влюблялись и ревновали. Важной вехой в судьбе Цветаевой стала встреча с поэтом-символистом Эллисом¹³, сотрудником издательства «Мусагет», другом Андрея Белого. Он ввел ее в круг профессиональных литераторов, спо-

¹³ Эллис (наст. фам. и имя Кобылинский Лев Львович; 1879–1947) – поэт, переводчик, критик, беллетрист, драматург, теоретик символизма, мемуарист. В 1913 г. уехал за границу, перешел в католичество и стал монахом иезуитского ордена.

собствовал в 1910 году выходу в свет первой книги ее стихов «Вечерний альбом».

Литературный дебют не прошел незамеченным. Метр символистов Валерий Брюсов посвятил ей целую страницу в своем обзоре новостей поэзии и, высказав ряд замечаний, оценил книгу молодой поэтессы вполне положительно, точно обозначив главное достоинство цветаевской лирики – ее небывалую интимность и откровенность. «Когда читаешь ее книгу, – писал Брюсов, – минутами становится неловко, словно заглянул нескромно через полузакрытое окно в чужую квартиру и подсмотрел сцену, видеть которую не должны бы посторонние». <...> Марина Цветаева может дать нам настоящую поэзию интимной жизни»¹⁴. Ценитель поэтического искусства Николай Гумилев, вслед за своим учителем Брюсовым отметивший «смелую (иногда чрезмерно) интимность» «Вечернего альбома», особо обратил внимание на то, что «здесь инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии, так что эта книга – не только милая книга девических признаний, но и книга прекрасных стихов»¹⁵. Сочувственно откликнулись М. Цетлин, М. Шагинян, М. Волошин.

С Максимилианом Волошиным¹⁶ Цветаева познакоми-

¹⁴ Брюсов В. Я. Стихи 1911 года: Статья первая// Собр. соч.: В 7 т. Т. VI. М., 1975. С. 365–366.

¹⁵ Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 121.

¹⁶ Волошин М. А. (наст. фам. Кириенко-Волошин; 1877–1932) – поэт, литературный критик, художник.

лась в «Мусагете». Они быстро прониклись взаимной симпатией. Близкие, дружеские отношения связали их на долгие годы. Эта встреча стала для Цветаевой, без преувеличения, судьбоносной. Вспоминая своего старшего друга в 1932 году, Марина Ивановна писала: «Одно из жизненных призваний Макса было сводить людей, творить встречи и судьбы. Бескорыстно, ибо случалось, что двое, им сведенные, скоро и надолго забывали его. К его собственному определению себя как коробейника идей могу прибавить и коробейника друзей» (IV, 178). Именно в доме Волошина в Коктебеле летом 1911 года Цветаева впервые увидела своего будущего мужа – Сергея Эфрона.

Как в книжке, любовь вспыхнула с первого взгляда – и на всю жизнь.

Сергей был на год моложе Марины (а ей самой еще не исполнилось девятнадцати!) и невероятно красив. «У него узкое лицо, темный разлет бровей, и под ними такие огромные, совершенно невероятные по красоте и величине глаза. Они серо-зеленоватые и сияют добротой и счастьем»¹⁷.

Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.

¹⁷ Цветаева А. И. Воспоминания. М., 1974. С. 415.

В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями распахнутых бровей —
Две бездны...

(I, 202)

Это был принц из сказки. «Царевич». «Рыцарь». С благо-
родной грустью в глазах, высоких нравственных убеждений,
деликатный, нежный, доверчивый. И – мужественный.

Вашего полка – драгун,
Декабристы и версальцы!
И не знаешь – так он юн —
Кисти, шпаги или струн
Просят пальцы.

(I, 184–185)

Он еще учился в гимназии. Был увлечен театром, пробо-
вал силы в литературе. Любил шутки и розыгрыши. Но ко-
гда пробил час испытаний, оказался достойным всех лири-
ческих авансов, которые выдала ему Цветаева.

В его лице я рыцарству верна.
– Всем вам, кто жил и умирал без страха. —
Такие – в роковые времена —

Слагают стансы – и идут на плаху.

(I, 202)

В январе 1912 года они обвенчались. В свадебное путешествие отправились в Париж, по дороге посещая города Германии, Франции, Италии. Наследство, оставшееся от родителей, было достаточным, чтобы не только вести безбедную жизнь, но даже организовать собственное издательство, названное в честь героя андерсеновской сказки «Оле-Лукойе».

В феврале 1912 года в нем вышла вторая книга Цветаевой «Волшебный фонарь» и сборник рассказов Эфрона «Детство». 5 сентября этого же года родилась дочь Ариадна, Аля. В следующем, 1913 году вышел еще один сборник стихов Цветаевой «Из двух книг». Она с успехом выступала на литературных вечерах в Москве и Петербурге. Летом был неизменный, солнечный, шумный, радостный Коктебель с мудрым и озорным Максом Волошиным. Эфрон поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Ничто не предвещало скорого, необратимого, катастрофического переворота в их судьбе.

Но грянула мировая война. Эфрон был призван в армию. Первое время был санитаром военно-санитарного поезда, в 1917 году отправлен в Нижний Новгород в школу прапорщиков. Все это было тревожно, но еще в порядке вещей, поддавалось осмыслению и логике. Жизнь шла своим чередом. Цветаева ждала второго ребенка. И вдруг роковое известие:

царь отрекся от престола. Цветаева не была монархисткой в политическом смысле слова, да и вообще политикой не интересовалась. Но, как живое сердце России, она сразу поняла истинный смысл произошедшего. Не случайно же дан ей был в наставники и поводыри автор Апокалипсиса.

Пал без славы
Орел двуглавый.
– Царь! – Вы были не правы.
Помянёт потомство
Еще не раз —
Византийское вероломство
Ваших ясных глаз.

(I, 340)

С этого дня в биографии Цветаевой начался обратный отсчет времени.

3

В октябре 1917 года власть в Петрограде захватили большевики. Москва сопротивлялась. Отряд офицеров и юнкеров держал оборону в Кремле. Среди его защитников был и Сергей Эфрон. Он ни минуты не сомневался, на чьей стороне быть. И когда пушки красных расстреляли Спасскую башню и Патриаршее подворье, Тайницкий сад и Чудов монастырь, когда кончились боеприпасы и провизия, он вместе

с оставшимися в живых ушел из крепости, чтобы через некоторое время встать под знамена Добровольческой армии и продолжить сопротивление наступавшему хаосу и террору.

Цветаева осталась в Москве одна с двумя дочерьми (13 апреля 1917 года родилась вторая дочь, Ирина). Деньги обесценились. Банковские вклады пропали. Городская инфраструктура разрушалась на глазах. Бытовые проблемы приняли масштаб космический. Нужно было кормить детей, добывать дрова, вести хозяйство. Она не была барыней, но не была и прислугой. Свалившиеся на нее заботы отнимали силы, здоровье, жизнь, раздражали и унижали.

Соловья приковали к плугу и заставили пахать. Вопреки абсурдности ситуации, соловей, выбиваясь из сил, тянет за собой неподъемную тяжесть, бьет крыльями воздух, надрывается – и поет.

Соловьиное горло – всему взамен! —
Получила от певчего бога – я...

Сколько в горле струн – все сорву дотла!
Соловьиное горло свое сберечь
Не на тот на свет – соловьем пришла!

(I, 449)

Только молодость, только природная выносливость и воспитанный матерью жизненный стоицизм помогли Цветаевой вынести кошмар первых послереволюционных лет.

Не вынесла маленькая Ирина – умерла от голода зимой 1920 года.

Еле-еле осталась в живых Ариадна.

Удивительный документ рисует нам картину и настроение тех лет. Восьмилетняя Аля пишет письмо в Петербург Анне Ахматовой: «Мы с Мариной живем в трущобе. Потолочное окно, камин, над которым висит ободранная лиса, и по всем углам трубы (куски). – Все, кто приходит, ужасаются, а нам весело. Принц не может прийти в хорошую квартиру в новом доме, а в трущобу – может...

Марина все время пишет, я тоже пишу, но меньше. К нам почти никто не приходит»¹⁸.

Случайного гостя – «принца»? – торжественно встретят и проведут в

Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!
Взойдите. Гора рукописных бумаг...
Так. – Руку! – Держите направо, —
Здесь лужа от крыши дырявой...

– А что с Вами будет, как выйдут дрова?
– Дрова? Но на то у поэта – слова
Всегда – огневые – в запасе!
Нам нынешний год не опасен...

¹⁸ Цит. по кн.: Саакянц А. А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М., 1997. С. 250.

(I, 488, 489)

Еще одно письмо Ариадны – матери Волошина: «Марина живет как птица: мало времени петь и много поет. Она совсем не занята ни выступлениями, ни печатанием, только писанием. Ей все равно, знают ее или нет. Мы с ней кочевали по всему дому. Сначала в папиной комнате, в кухне, в своей. Марина с грустью говорит: «Кочевники дома». Теперь изнутри запираемся на замок от кошек, собак, людей. Наверное, наш дом будут рушить...»¹⁹

Яростной агрессии быта Цветаева противопоставила лютую энергию творчества. Стихи идут лавиной. Стихи-письма, мысленно обращенные к мужу. Они составят сборник «Лебединый стан». Стихи-очерки. Стихи-молитвы. Рожденные новыми встречами и знакомствами лирические циклы «Комедьянт», «Памяти А. А. Стаховича», «<Н. Н. В.>», «Стихи к Сонечке», «Ученик», «Разлука», «Благая весть», «Сугробы». Наваянные мыслями о судьбах России исторические циклы – «Стенька Разин», «Марина», «Георгий». Цветаева пробует себя в драматургии, в течение полутора лет (1918–1919) создает шесть стихотворных пьес: «Червонный валет», «Метель», «Фортуна», «Каменный Ангел», «Приключение» и «Феникс». Из-под ее пера выходят поэмы «На Красном Коне», «Царь-девица», «Переулочки».

Тысячи стихотворных строк.

Кажется, чем разрушительнее был мир вокруг нее, тем

¹⁹ Саакянц А. А. Указ. соч. С. 269.

больше пробуждалось внутренних сил для встречного созидания. *Противо-*действие рождало действие. Интуицией гения Цветаева нашла единственно возможный – и посильный – и всеильный! – ответ разрухе и безобразию. Творчество.

В статье 1932 года «Искусство при свете совести» Цветаева, размышляя над знаменитой песней Вальсингама в пушкинском «Пире во время чумы» («Есть упоение в бою...»), напишет:

«Пока ты поэт, тебе гибели в стихии нет, ибо все возвращает тебя в стихию стихий: слово.

Пока ты поэт, тебе гибели в стихии нет, ибо не гибель, а возвращение в лоно.

Гибель поэта – отрешение от стихий. Проще сразу перерезать себе жилы» (V, 351).

В этих словах, несомненно, нашел отражение личный опыт Цветаевой 1918–1921 годов. Опыт противостояния стихии революционной чумы.

4

Летом 1921 года приходит «благая весть»: давно пропавший из виду Сергей Эфрон жив! Спасся на корабле. Направляется в Прагу. Ликованию нет предела:

Мертв – и воскрес?!
Вздыху в обрез,

Камнем с небес,
Ломом

По голове —
Нет, по эфес
Шпагою в грудь —
Радость!

(II, 45)

Цветаева лихорадочно собирается в отъезд. К мужу. К герою. К рыцарю. «Узнала, что до Риги – в ожидании там визы включительно – нужно 10 миллионов. Для меня это все равно, что: везти с собой храм Христа Спасителя... С трудом наскребу 4 миллиона, – да и то навряд ли: в моих руках и золото – жечь, и мука – опилки» (письмо И. Г. Эренбургу, 2 ноября 1921 г., т. VI, с. 212). Как она добилась выезда, получила визы, собрала деньги на билет? Чудом. И – волей. Велением сердца. Любовью.

Я с вызовом ношу его кольцо.
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге... —

(I, 202)

написала она еще в 1914 году и повторяла про себя все годы разлуки, ибо знала, ни на минуту не усомнилась:

На кортике своем: Марина —
Ты начертал, встав за Отчизну.

Была я первой и единой
В твоей великолепной жизни.

(I, 385)

11 мая 1921 года Цветаева выехала из Советской России. Начались долгие годы чужбины. «Кочевники дома» стали настоящими кочевниками.

Бесчисленные переезды были вызваны крайней нуждой и непрерывной заботой об экономии средств, скудных и нерегулярных. Где бы ни жила Цветаева после отъезда из России – в Германии ли, Чехии или Франции, – всегда под гнетом бытовых забот.

Из письма 1922 года: «Я живу в Чехии (близ Праги), в Мокропсах, в деревенской хате. Последний дом в деревне. Под горой ручей – таскаю воду. Третью дня уходит на топку огромной кафельной печки. Жизнь мало чем отличается от московской, бытовая ее часть, – пожалуй, даже бедней!.. *Месяцами* никого не вижу» (письмо Б. Л. Пастернаку, 19 ноября 1922 г., т. VI, с. 227).

Из дневниковой записи 1924 года: «20 июля переехала из Иловищ в Дольние Мокропсы, в разваленный домик с огромной русской печью, кривыми потолками, кривыми стенами и кривым полом, во дворе огромной (бывшей) экономии. Огромный сарай... сад с каменной загородкой, над самым полотном железной дороги. – Поезда»²⁰.

²⁰ Саакянц А. А. Указ. соч. С. 384.

Из письма 1925 года, Париж: «Квартал, где мы живем, ужасен, – точно из бульварного романа «Лондонские трущобы». Гнилой квартал, неба не видать из-за труб, сплошная копоть и сплошной грохот (грузовые автомобили). Гулять негде – ни кустика. Есть парк, но 40 минут ходьбы, в холод нельзя. Так и гуляем – вдоль гниющего канала» (письмо А. А. Тесковой, 7 декабря 1925 г., т. VI, с. 343).

Из письма 1930 года: «Жизнь трудная... Живем в долг в лавочке, и часто нет 1 франка 15 сантимов, чтобы ехать в Париж... Распродаю вещи, прекрасные шелковые платья, которые когда-то подарили – за грош» (письмо А. А. Тесковой, 17 октября 1930 г., т. VI, с. 388–389).

Из письма 1931 года: «Удушены долгами, утром в лавке – мука. Курю, как в Сов. России, в допайковые годы... окурковый табак – полная коробка окурков, хранила про черный день и дождалась» (письмо Р. Н. Ломоносовой, 6 марта 1931 г., т. VII, с. 332).

Из письма 1934 года: «Я в вечной грязи, вечно со щеткой и с совком, в вечной спешке, в вечных узлах, и углах, и углях – *живая* помойка! И с соответствующими «чертями» – «А, черт! Еще это! А ччче-ерт!», ибо смириться не могу, ибо все это – не во имя высшего, а во имя *низшего*: чужой грязи и лени» (письмо В. Н. Буниной, 28 апреля 1934 г., т. VII, с. 270).

Из письма 1938 года: «О себе. Живу в холоде или в дыму: на выбор. Когда мороз (как сейчас), предпочитаю – дым.

Руки совсем обгорели: сгорел весь верхний слой кожи, п. ч. тяги нет, уголь непрерывно гаснет, и приходится сверху пихать щепки, – таково устройство, вернее – расстройство. Но скоро весна и, будем надеяться, худшее – позади... Пробую жить как все, но – плохо удается, что-то грызет... Почти все время уходит на быт, раньше все-таки немножко легче было» (письмо А. Э. Берг, 15 февраля 1938 г., т. VII, с. 517).

Подобных строк в письмах Цветаевой – сотни. И других – с просьбами о деньгах, благо были люди, готовые безвозмездно поддерживать поэта (но всякий раз – ежемесячно! – просить).

И еще – с возмущениями о задержанных, недоплаченных, невыплаченных гонорах.

И – о непрерывных болезнях.

И – просто непонимании.

Но, как и в Москве, Цветаева противостояла судьбе творчеством. «Потому что вовсе не: жить и писать, а жить-писать и: писать – жить. Т. е. *все* осуществляется и даже живется (понимается) только в тетради. А в жизни – что? В жизни – хозяйство: уборка, стирка, топка, забота. В жизни – функция и отсутствие» (IV, 606).

Рассказывает дочь: «Налив себе кружечку кипящего черного кофе, ставила ее на письменный стол, к которому каждый день своей жизни шла, как рабочий к станку – с тем же чувством *ответственности*, неизбежности, невозможности иначе.

Все, что в данный час на этом столе оказывалось лишним, отодвигала в стороны, освобождая, уже машинальным движением, место для тетради и для локтей.

Лбом упиралась в ладонь, пальцы запускала в волосы, сосредотачивалась мгновенно.

Глохла и слепла ко всему, что не рукопись, в которую буквально впивалась – острием мысли и пера...

Работе умела подчинять любые обстоятельства, настаиваю, *любые*.

Талант трудоспособности и внутренней организованности был у нее равен поэтическому дару»²¹.

Еще в Москве 1920-х годов в творчестве Цветаевой наметился сдвиг в сторону крупных поэтических форм. В Чехию она приехала в разгар работы над самой своей большой поэмой «Молодец». Время отдельных лирических стихотворений уходило в прошлое. Их количество резко сократилось. Цветаева комментировала эти изменения так: «Лирическое стихотворение: построенный и тут же разрушенный мир. Сколько стихов в книге – столько взрывов, пожаров, обвалов: ПУСТЫРЕЙ. Лирическое стихотворение – катастрофа. Не началось и уже сбылось (кончилось). Жесточайшая саморастрата. Лирикой – утешаться! *Отравляться* лирикой – как водой (чистейшей), которой не напился, хлебом – не наелся, ртом – не нацеловался и т. д.

В большую вещь вживаешься, вторая жизнь, длительная,

²¹ Эфрон А. С. Указ. соч. С. 146–147.

постепенная, от дня ко дню крепчающая и весчающая. Одна – здесь – жизнь, другая – там (в тетради). И посмотрим еще, какая сильнее!

Из лирического стихотворения я выхожу разбитой» (письмо П. П. Сувчинскому, 4 сентября 1926 г., т. VI, с. 323).

«Взрыв», «пожар», «пустырь», «катастрофа» – сколько их было в реальной действительности! Обращение к большим формам происходит на уровне инстинкта самосохранения. Она устала «отравляться» мечтой, быть «непрестанно разбитой», и в то же время у нее достаточно сил, чтобы жить «деятельно», «от дня ко дню» – пусть даже только «в тетради». В эмиграции Цветаева создает свои лучшие поэмы, которые многие считают вершиной ее творчества: «Поэма Горы» (1924), «Поэма Конца» (1924), «Крысолов» (1925), «Поэма Лестницы» (1926), «Новогоднее» (1927), «Поэма Воздуха» (1927). В 1930-е годы Цветаева несколько лет работала над несохранившейся «Поэмой о Царской Семье».

В эмиграции Цветаева стала писать прозу. Вынуждали обстоятельства: стихи издатели брали неохотно, да и платили за них значительно меньше. «Эмиграция делает меня прозаиком. Конечно – и проза *моя*, и лучшее в мире после стихов, это – лирическая проза, но все-таки – *после* стихов!.. Когда получу премию Нобеля (никогда) – буду писать стихи» (письмо А. А. Тесковой, 24 ноября 1933 г., т. VI, с. 406–407). Цветаева создает цикл мемуарных очерков, пишет серию литературных портретов (В. Брюсова, Б. Пастернака,

М. Волошина, Н. Гончаровой, К. Бальмонта, Андрея Белого), выступает в качестве литературного критика-полемиста. Предвосхищая пути развития современной прозы, Цветаева обращается к жанру лирической документалистики («Флорентийские ночи», «Повесть о Сонечке»). Ее эссе «Искусство при свете совести» (1932) – один из шедевров в истории мировой эстетической мысли.

Обстоятельства лишь подтолкнули Цветаеву к созданию прозаических произведений. На самом деле она давно была готова к этой форме литературной деятельности. Фактически прозу она писала всегда: ее письма, частые и пространственные, были для нее столь же важны, как и стихи. «Если получала письмо с утренней почтой, зачастую набрасывала черновик ответа тут же, в тетради, как бы включая его в творческий поток этого дня. К письмам своим относилась так же творчески и почти так же взыскательно, как к рукописям»²². Слово было высочайшей ценностью для Цветаевой. И не только в стихах. Даже официальный документ не могла составить формально: «Начинаю прошение – просыпается мысль, юмор, «игра ума». Если два раза «что» или два раза «бы» – беру другой лист, не нравится, хочется безукоризненной формы, *привычка слуха и руки*» (письмо А. А. Тесковой, 24 сентября 1926 г., т. VI, с. 350). Проза Цветаевой глубока, многослойна, парадоксальна. Она во всей полноте раскрывает интеллектуальную мощь и масштаб писательского

²² Эфрон А. С. Указ. соч. С. 147.

дара Цветаевой. Каждая мысль выкована в кузнице разума и закалена в горниле души.

5

Революция лишила Цветаеву всего: России, культурной среды, привычного уклада жизни, материальной стабильности²³, дома, мужа, дочери. Прошлое лежало в руинах. Незыблемыми оставались лишь вечные ценности. Для Цветаевой они зримее всего предстали в освященных Церковью семейных узлах. Таинство брака, клятва верности, данная перед Богом, таинство крещения были теми нитями, которые связывали с вечностью, с былым и грядущим. Этого отнять не мог никто. Семья стала главной святыней Цветаевой. Не в силах противостоять обстоятельствам, но и не желая сдаваться, она, как только появился слабый призрак надежды, сделала все, чтобы вновь воссоединиться с мужем. Здесь была не одна любовь, но и вызов – действительности, времени, судьбе.

Ее наградой в этой битве стало рождение в 1925 году сына, названного в честь святого великомученика Георгия Победоносца – небесного покровителя Москвы.

Ждала его давно. Мечтала. Однажды, в пасхальную неде-

²³ По признанию М. Цветаевой в одном из писем, ко времени революции на ее счете в банке было почти 100 тысяч рублей, сумма достаточная для многолетнего безбедного существования семьи. Впрочем, как пишет Цветаева в том же письме, их потерю она эмоционально никак не восприняла.

лю 1920 года, увидела в рассветном кремлевском небе: «глаза блистают сталью», «весь – как струна», «светлее солнца» (I, 519).

Ему слагала гимны в 1921-м, услышав известие о спасении мужа:

Синие версты
И зарева горние!
Победоносного
Славьте – Георгия!

Славьте, жемчужные
Грозди полуночи,
Дивного мужа,
Пречистого юношу:

Огненный плащ его,
Посвист копья его,
Кровокипящего
Славьте – коня его!

(II, 38)

Преданность Семье стала мучительным испытанием для Цветаевой. Ее победа над обстоятельствами 1920-х годов оказалась кратковременной. Впереди ждали иные испытания. Прежнего взаимопонимания между супругами уже не было. Каждый прожил в эти годы слишком разные жизни. Это стало ясно не сразу, но чем дальше, тем становилось за-

метнее. Надо отдать им должное, они прилагали все усилия, чтобы быть взаимно терпимыми, понимать и прощать друг друга.

Цветаева оставалась поэтом. Романтиком чувств. Ее время от времени сотрясали душевные бури. Она влюблялась – очно и заочно, – неистово переживала свои романы, сокрушительно разочаровывалась в них и бесповоротно обрывала. Во время одного из них Эфрон с горечью понимания признавался М. Волошину, верному другу и старшему товарищу: «М<арина> – человек страстей. Гораздо в большей мере чем раньше – до моего отъезда. Отдаваться с головой своему урагану для нее стало необходимостью, воздухом ее жизни. Кто является возбудителем этого урагана сейчас – не важно. Почти всегда (теперь так же, как и раньше), вернее, всегда все строится на самообмане. Человек выдумывается – и ураган начался... Что – не важно, важно как. Не сущность, не источник, а ритм, бешеный ритм. Сегодня отчаяние, завтра восторг, любовь, отдавание себя с головой, и через день снова отчаяние»²⁴

²⁴ С. Я. Эфрон – М. А. Волошину, декабрь 1923 г. // Цветаева М. И. Неизданное. Семья: история в письмах. М., 1999. С. 306.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.